

«Я СТРОЮ ГОРОД ИЗ СЛОВ...»

Анастасия Апухтина

* * *

Человек человеку пропасть и сальто в бездну,
Беспричинная радость и ножевое в грудь.
«И когда, — говорит один, —
я с Земли исчезну,
Не забудь мое имя всеу упомянуть».

Человек человеку карма, подарок свыше,
Беззаботное время, хлопоты и тротил.
«И когда, — говорит один, —
обо мне услышишь,
Ты поведай им правду о том, кого я любил».

Человек человеку море и край бездонный,
Разговоры на кухне,
сладкий полночный грех.
«И когда, — говорит один, —
обо мне напомнят,
Пусть в ушах у тебя зазвенит
мой хрустальный смех».

Человек человеку мантра, молитвы шепот,
Предрассветные блики, преданность
и восторг.
«Знай, — ответил другой, —
когда о тебе вдруг спросят,
Я скажу им, что слышал,
чьим голосом молвил Бог».

**Стихи участников
Школы
литературного
мастерства
им. А.И. Левитова**

*Город Елец
Липецкой области
12–14 сентября 2025 года*

ПАМЯТЬ

Пожалуйста, другим читай и рассказывай про тайные комнаты, Нарнии хроники. Детство забытое в платьишке вязаном, ветках сирени и розовом слонике гостем непрошеным в ночи холодные сядет на краешек мысли стремительной. Было ли — не было? Коды исходные. Кто ж соберет это лего в действительном? Археология, будь она проклята, мало приносит, по сути, хорошего: вспомнишь о радостном, вспомнишь о сколоте — грусть перманентная — спутница прошлого.

Семечек жареных таз металлический, мяты душистой нотки манящие, пение бабушкой строчек лирических: «В темную ночь ты, любимая, знаю, не спишь, и у детской кровати тайком ты слезу утираешь». Мне б в настоящее... Мне б в настоящее... Ни от того, что в нем света не видится, ни по тому, что тепла в нем не чувствуется, а потому что навеки лишившийся больно ступает по значащим улицам.

Память! Другим не читай, не рассказывай о том, что на сердце с пометками «Личное». Море дорог — все друг с дружкой связаны. Зреет талмуд наподобие Митчелл. Запах костра и печеной картошечки, дружбы потери и юности принципы. Сколько всего архивирует прошлое? К скольким оно приезжает с гостинцами?

Гонки на санках, сугробы блестящие в свете ночных придорожных фонариков, прятки в деревне в строительных ящиках, глупая мысль стать великим прозаиком, сердце разбитое, рифмы неловкие, встреча со смертью, пока что заочная... Память что дерево в мелких иголках иль побережье морское песочное.

Лет лоскуты за часами просматрятся. Солнце взойдет над туманными землями. Сна не выдав, ты, изрядно измотанный, взглянешь украдкой в настенное зеркало. Сколько прошло...

Елизавета Артыкова

* * *

Светлой памяти Виноградовой А.П.

Кого в последний путь не проводили,
Те чуть живее представляются сердцам,
И кажется, что тем, кто долго жили,
Смерть не товарищ — только мертвецам.

Но вот я захожу в пустую хату,
Пол с непривычки подо мной скрипит,
Дом отсырел, не пережив утрату,
Напился дождевой воды и спит.
Он держит вещи в память о хозяйке —
К ее приходу, на своих местах.
Мол, что покинула меня — все байки,
Придет — улыбка дрогнет на устах.
И дрогнуло, но у меня под сердцем,
Его удар пришелся холостым,
Ведь стоило мне лучше присмотреться —
Нашелся гребень с волосом седым.

Валентина Белова

* * *

Вот бы перестать бояться не только смерти,
Но и того, что сердце может расколоться от красоты:
От белых хризантем, старого фонтана в городском парке,
Приятных на ощупь желудей, из которых я в детстве делала
человечков.

Вот бы перестать бояться, что и сами мы — такие же человечки
со спичечными руками.

Их сделал ребенок, смеясь от восторга,

А потом позабыл, когда кончилась осень.

Не надо бояться того, что однажды заснешь в дубовых опавших
листьях,

А рядом человек, которого ты любил, —

Желудевый, блестящий, неотличимый от других.

И пока мы с тобой стоим на своих шатких спичках,

Наслаждаемся все еще теплым светом

И сердце мое раскалывается от любви,

Не бойся ничего.

* * *

Как все-таки совершенна
Жизнь в страшной неполноте:

Ничто не случится уже —

Ни трепета в животе,

Ни судороги души,

Ни поцелуя в шею.

Ах, разве что я сумею

Взглянуть в себя, как в колодец, —

Навстречу своей свободе,

В лицо своей темноте.

Вячеслав Воробьев

* * *

Когда я работал официантом, к нам в бар пришел брутальный
дядька-байкер
Он был похож на викинга из-за своей длинной рыжей бороды,
а на байке у него висел шлем с рогами
Он сел за стол и басом стал спрашивать у меня,
какие коктейли мы подаем
Потом он попросил его оставить
Я смотрел на него и думал, что он закажет мясо с кровью
Или ребрышки с пивом
Он подозвал меня к себе спустя пятнадцать минут и сказал:
— Можно мне космополитен?
Розовый в вытянутом стаканчике
С долькой апельсина на краю
Сладко-лимонно-клюквенный
И чуть горьковатый из-за водки
Я лишь пожал плечами
И сказал байкеру, что космополитен уехал из страны
Вернее, его увезли
Навсегда.

Илья Воробьев

* * *

Фонари горят в тумане сером...
Снег дождит над тихой Костромой...
Сырость, хлябь — и что-то захотелось
На неделе третий выходной!

Весь ноябрь вспомнил между делом:
Жизнь с работой шли наперебой.
Дождь штрихует улицу, как мелом
По доске холодной и сырой.

По карнизу бегают ворона
С паклей в клюве, вертит головой.
Отщипнула — спрятала укромно,
Проверяя слезку за собой!

Между бревен старого барака
Набрала что нужно для гнезда,
Смотрит с грустью старая собака:
Что проныра в клюве понесла?!

И своей седой дворняжной мордой
Взглянет вдур то вдаль, то на меня:

Тяжко быть сегодня беспородной,
Снег и дождь ей стали как семья!

А в карманах пусто — невозможно,
Хоть сухарик бы какой найти!
Поступать не хочется безбожно:
Не оставить — мимо не пройти.

Слава Богу, отыскалась сушка,
Что неделю странствует со мной!
На, хрусти, намокшая макушка —
Не могу я взять тебя домой.

Мне смотрела вслед протяжно, долго
Эта жизнь с глазами ноября!
Пал туман, спускаясь тихоходно,
Понимал, что взять ее нельзя!

Осень в нашем городе гастрольно,
Скоро отпуск — отдохну сполна!
Только как-то вспомнились невольно
Эти грусти полные глаза.

ОСЕННЯЯ МИКСТУРА

Вот уже осень мокрая,
С листьями, в лужах лежащими,
Лечит нас мерными каплями,
Словно бригада скорая.

«Капель четыре дюжины, —
Пишет октябрь, врач мой лечащий, —
Их принимайте Вы с вечера,
Так от них польза должна!»

Город заснул давно уже,
Кроны, мне тюлем веточным
Свет пропуская сеточный,
Тихо стоят намокшие.

Николай Киселев

* * *

После смены седой кондуктор
идет в магазин продукты,
покупает там пиво — «Балтику»,
он хотел бы в другую галактику

улететь на своем троллейбусе
или уйти на пенсию —
нянчить внуков,
но государство скупое
отодвинуло возраст счастья.

— Прости, я...
задержался, — буркнул жене кондуктор,
съел подогретый ужин, уснул под утро,
и приснился ему троллейбус,
который летит на Марс.

Кондуктор очнулся и в сотый раз
поведал о том жене, она сказала:
— Ну ты вообще!
Дед, какие еще галактики?
На работу вали, пора тебе.

Кондуктор идет. Он не в обиде:
— Баба! Разве она увидит
сиянье иной планеты,
когда на этой —
отучили ее мечтать?
И откуда кондуктору знать,
что жена во сне
видит дом у моря,
а муж будит ее, и горе
вкусом напоминает бриз,
он обещал ей «любой каприз»,
а она ему и поверила —
целую жизнь назад.

* * *

Не могу все время пить,
поэтому иногда я пишу стихи,
собирая лишние фразы,
словно бродяга — мелочь.

Я строю город из слов,
где каждому хватит места,
потому что в любом
из живых и смертных
преломляется красота.

Для тебя, для твоих любимых,
для всех, кто придет с тобой.

А вокруг
безобидные сумасшедшие
и дворовые кошки,

которые ловят пух —
золотые былинки времени,
будто их не вспороло
острие мировой истории.

Хочешь,
пух полетит наверх
к небесно-далекому потолку,
когда плюшевый мишка еще не брошен,
когда автомат — игрушечный,
а война —
это просто игра в солдатики,
когда океан
мы были способны выплакать,
потому что разбиты коленки,
цела душа.
А хочешь — не отвечай.

Мне самому тишина приятнее,
как день проведенный без новостей,
потому что город мой — обречен.

Но люди тем и дороги, что смертны,
тем хороши, что здесь не навсегда,
и раз уж мы вот тут с тобой сейчас
замаялись на границе текста —
как близкие, прощаясь на перроне, —
ты напиши: какой построить дом,
ведь дом из слов
за здорово живешь
нельзя поджечь,
отнять или разрушить.